

Сов. Цирк. — Москва. — 1990. —
3-й выпуск (№ 18). — С. 14

ОТ ТРАПЕЦИИ ДО...

В начале 1923 года недавно переехавший из Одессы, но уже успевший получить известность у петроградских театралов артист Леонид Утесов пригласил «почтеннейшую публику» на вечер — «двух артистов, которые не без озорства и чисто одесского «шика» назвали «От трагедии до трапеции». Афиша вечера предлагала зрителю такое невероятное сочетание жанров, что у некоторых критиков закралось подозрение: а не попахивает ли здесь розыгрышем? Один из них написал без обиняков: «Поистине эти одесские развязные молодые люди... теряют голову в омуте нэповского угара столицы. Надо окатить их холодной водой». Вечер, однако, прошел с большим успехом. Больше всего поразило то, что происходившее на сцене в точности соответствовало объявленной программе. Утесов начинал с «трагедии». Вместе со знаменитым драматическим актером Кондратием Яковлевым сыграл сцену Раскольникова и следователя из «Преступления и наказания». Затем почти без передышки вышел Парисом в «Прекрасной Елене» Оффенбаха в дуэте с Елизаветой Тиме. Дальше он танцевал вальс и комический танец, играл на скрипке в музыкальном трио, читал рассказы, пел романсы, куплеты и пародии, дирижировал комическим хором. Но едва ли не наибольшее удивление вызвала цирковая часть программы, где Утесов выступал как клоун, музыкальный эксцентрик, жонглер и в завершение показал несколько упражнений на трапеции. Лишь самые близкие артисту люди знали, что в этом нет ничего удивительного: ведь свою артистическую карьеру Утесов начал в цирке...

Полвека спустя Леонид Осипович вспоминал о месте своего дебюта: «мачта в середине манежа, поддерживающая брезентовую крышу шалита, несколько рядов скамей, поднимающихся амфитеатром, доска, которой закрывается барьер, когда на арену выходят лошади...». Типичный провинциальный балаган начала века, дешевое развлечение одесской бедноты... Однако для впечатлительного подростка, чья душа тянулась к искусству, а «бренное тело» вынуждено было посещать коммерческое училище, и этого было достаточно, чтобы принять решение, определившее всю его жизнь. Так и не дождавшись родительского благословения, попросту говоря, удрал из дома, будущий знаменитый артист отправился на первые в своей жизни гастроли.

Конечно, в мечтах он видел себя «любимцем публики», подобно владельцу цирка Бараданову, «огромному мужчине с нафабранными, черными, как смоль, торчащими усами», который под восхищенные возгласы зрителей рвал цепи, ломал подковы, одним ударом руки вбивал гвозди в толстую доску и небрежно, словно играючи, клал на лопатки всякого, кто осмеливался бросить ему вызов в борцовском поединке. Но реальность оказалась куда более жесткой. В одном из журналов того времени находим горькие строчки, характеризующие быт провинциальных цирков: «Мизерный оклад, грубое обращение, мало чем отличающееся от обращения с животными. Это всегда стоит грозным призраком и перед «королем воздуха» и перед жонглером «первым в мире»... Что же тогда говорить о начинающем артисте?! Юношу, правда, несколько выручало то, что он был едва ли не единственным грамотным человеком в труппе и хозяин постоянно поручал ему ведение хозяйственных дел. Как артист он умел только более или менее сносно крутиться на трапеции. Пришлось срочно овладевать азами других цирковых профессий, тем более, что труппа была маленькая, каждый исполнял по два-три номера, и терпеть «нахлебника» никто бы не стал. С непривычки было тяжело: ныли мышцы, ломило тело, порой от усталости отказывались двигаться ноги, но стремление поскорее выйти на арену пересиливало даже физическую боль. И все же организм не выдержал: юноша заболел и был вынужден вернуться домой. Что ж, он не снискал лавров на манеже, но до конца дней Утесов сохранил к цирку любовь и признательность за уроки, которые усвоил на всю жизнь...

Современников и коллег Леонида Осиповича поражали его всегдальная доброжелательность и готовность прийти на помощь. Он постоянно за кого-то хлопотал, кому-то что-то пробивал, кого-то куда-то устраивал. К Утесову обращались порой с просьбами почти невероятными, так велика была вера в то, что он может «все». И он действительно старался помочь каждому. Лишь самые близкие люди слышали от него сетования по поводу обилия просящих, да и то в последние годы жизни, когда просто не хватало физических сил.

«Нет на свете уз святее товарищества» — эта гоголевская формула стала для Утесова законом жизни. Необходимость помочь другу была для него абсолютным критерием. Певец Лев Барашков, начинавший свою эстрадную карьеру в оркестре Утесова, рассказал мне такую историю. У него тяжело заболел близкий друг, подозревали смертельный исход. Как назло оркестру предстояли длительные гастроли. Барашков пришел к Утесову с просьбой освободить его от поездки, хотя и не очень верил в согласие: он прекрасно понимал, как сложно в «пожарном порядке» изменить что-либо в накатанной программе. Однако Утесов, узнав в чем дело, тут же подписал заявление.

Вообще говоря, подобные качества для эстрадного артиста — редкость. На эстраде каждый — сам по себе и сам за себя, здесь «царит» эгоцентризм и замкнутость, но к этому нужно относиться спокойно, как к специфической черте. В конце концов то, что на эстраде преобладает отнюдь не «коллективистский» тип сознания, признавал такой знаток этого искусства как А. П. Конников, сделавший в своей прекрасной книге попытку объяснить этот феномен. Утесов был поразительным исключением, его щедрая отзывчивость — сродни цирковому братству, наиболее надежному в мире искусству...

Говорят, что Утесов ни разу не отзывался плохо о своем коллеге-артисте. Даже самый плохонький и заухудший мог рассчитывать на его внимание и сочувствие. Единственное, чего Утесов не терпел — халтуры, которую он воспринимал

как кровную обиду: «Фальшь приводила меня в ужас. Мне казалось, что я не переживу этого, что рухнет мир. Я иступленно топал ногами и кричал: «Фальшь, фальшь!»... Таким был в юности и почти таким как будто и остался», — признавался артист на склоне лет. Сам же он, как бы ни складывались обстоятельства и каким бы ни было самочувствие, выкладывался на сцене без остатка и прямо-таки страдал, что не может добиться такого же отношения к делу от своих музыкантов.

А уж подлинное мастерство Утесов ценил безоговорочно, вне зависимости от своих вкусов и пристрастий. Помню, как поразила меня его высокая оценка Аллы Пугачевой, хотя то, что делала певица на эстраде, казалось, было страшно далеко от вкуса старого артиста: недаром ровесники Утесова и даже артисты более младшего поколения Пугачеву, как говорится, на дух не переносили. Но на мой недоуменный вопрос Леонид Осипович ответил просто: «Пугачева — мастер». Точно так же он отнесся к певице, которую многие считают антиподом Пугачевой — Елене Камбуровой. Утесов подписал ходатайство о присвоении Камбуровой звания «Заслуженный артист РСФСР», хотя сам к ее творчеству относился спокойно: для него важна была ее неординарность, уникальность того, что делает на эстраде эта актриса.

Быть, может, Утесов еще и потому так ценил мастерство, что на своей шкуре познал пользу университетского профессионализма. Конечно, вечер «От трагедии до трапеции» был, скорее всего, озорством необычайно одаренного человека, с юношеской безоглядностью тратящего свой талант. Но уже через год артист смог убедиться, как полезна его «многогранность». В конце 1923 года после появления статьи Горького, в которой он протестовал против еврейских анекдотов. Репертуарный комитет запретил исполнять с эстрады еврейские рассказы и куплеты. Официально это было оформлено с казуистикой, поражающей даже сегодня: «Запретить акцентированное исполнение куплетов» — так было написано в постановлении Реперткома. (Попутно стоит обратить внимание, что в истории советского искусства это был первый опыт законодательного запрещения целого жанра. Так что у тех, кто запрещал абстрактную живопись и рок-музыку, было на что опереться!). Между тем, славу Утесову как артисту эстрады первоначально принесло именно исполнение еврейских рассказов, где он конкурировал даже с таким феноменальным артистом, как Владимир Хенкин. Наверное, не нужно самому быть артистом эстрады, чтобы понять, что это такое, когда у тебя полностью «изымают» репертуар. (Запретите сегодня Софии Ротару петь, а Геннадия Хазанову — исполнять монологи, и что с ними станет?). Многие коллеги Утесова — еврейские куплетисты — после этого запрещения просто сошли на нет, так как ничего другого не умели. Утесов же «выжил»: у него, помимо эстрады, оставался театр, оперетта, мюзик-холл. И он дождался того момента, когда, увидев в Париже выступление негритянского джаза, понял: вот оно! «Музыка, соединенная с театром, но не заключенная в раз и навсегда найденные формы. Свободная манера музицирования, когда каждый участник в границах целого может дать волю своей фантазии... Именно в таком вот джазе, если, конечно, его трансформировать, сделать пригодным для нашей эстрады, могли бы слиться обе мои страсти — к театру и к музыке».

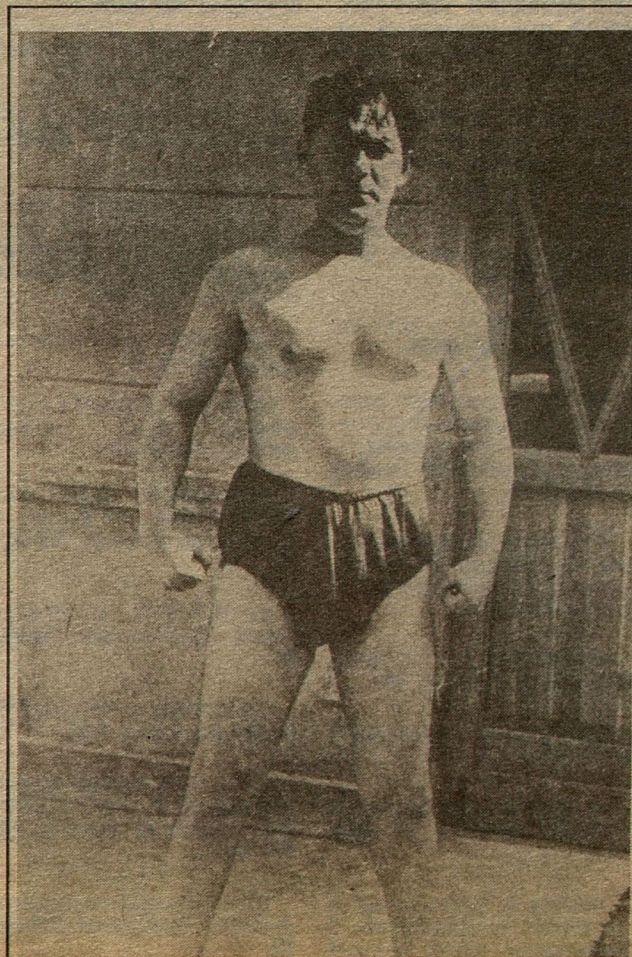

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ УТЕСОВА
(ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ)

Эта встреча стала счастливой для обоих. Соединив джаз с театром и песней, Утесов по существу спас это искусство в нашей стране, придав ему более или менее приемлемую форму, способную удовлетворить «неистовых ревнителей» классовой идеологии, объявивших джаз «музыкой толстых». В борьбе за свое детище Утесову досталось сполна. В 1930 году его обозвали «рвачом от музыки», в 1934 — объявили «достаточно надоевшим» и даже в 1954-м, когда, казалось бы, все страхи были позади, некая студентка Латвийской консерватории обвинила знаменитого артиста в том, что благодаря ему на танцплощадках начали исполнять «буги-вуги» (?). Надо всем этим можно было посмеяться и даже поиздеваться, если бы не всегдашняя идеологизированность нашего искусства, где политические ярлыки значили куда больше мастерства и даже зрительского признания. Только сейчас стало известно, что в сейфах НКВД лежало «дело Утесова», которое в любую минуту могло появиться на свет...

Знал ли об этом Утесов? Догадываться мог и почти наверняка испытывал страх, тем более, когда видел, как внезапно исчезали Козин и Урусланова, как поносили Зошенко и Хазина. Но, подобно истинному цирковому артисту, Утесов знал, что есть одно-единственное средство борьбы с обстоятельствами — работа. Работа постоянная, до одури, до ломы в костях, вне зависимости от ситуации за окном и капризов собственного настроения. Он работал невероятно много, исполнив немислимое количество песен. В конце концов, именно песня была ему защитой и оправданием. И, наверное, не раз вспоминал он добрым словом владельца одесского шалита Бараданова, приучившего его к жесткому, ежедневному труду. Быть может, работа спасла ему жизнь...

В 1955 году Леонид Осипович тяжело заболел. Встал вопрос о том, что он больше не сможет выходить на эстраду и уж тем более руководить оркестром, который он создал четверть века тому. Для Утесова такая перспектива была равносильна физической гибели. Спасение он нашел — в работе. Едва оправившись после операции, Утесов начал репетировать в Театре транспорта главную роль в спектакле по пьесе «Шельменко-денщик». И через два года обрадованные поклонники вновь увидели любимого артиста на привычном месте во главе оркестра...

В нашей стране знаменитые актеры проходят, как правило, несколько стадий официального признания. Начинающий артист не обладает, естественно, ничем, кроме фамилии и таланта. По мере того, как талант раскрывается, а фамилия приобретает популярность, к ней последовательно прибавляется: «заслуженный артист республики», «народный артист республики». Самые признанные (берем тот случай, когда признание оправдано трудом и дарованием) удостоиваются высших отличий: «народный артист СССР», избранные — еще и Золотой Звезды Героя Соцтруда. Но все же самый высокий уровень признания — это когда все награды и отличия теряют свой смысл и вес и об артисте, снова, как в юности, говорят просто: «Райкин», «Шульженко», «Утесов»... Но теперь уже за фамилией целый художественный мир.

Утесов поздно стал народным артистом СССР. Лишь к семидесятилетию тогдашний министр культуры Е. Фурцева, видимо, устыдившись всенародной славы артиста, «выбила» ему это звание. Говорят, что Утесов был счастлив: в чем-то он и в старости оставался большим ребенком. Но для миллионов людей все это было неважно: они любили не звание, а голос артиста с его необыкновенной, неповторимой, «утесовской» интонацией.

«Нам песня строить и жить помогает...»

Можно по-разному относиться к этим безоблачным строчкам, но песни Утесова действительно помогали — и не только «строить и жить». В архиве Леонида Осиповича сохранилось письмо, полученное им от жительницы Новочеркаска Марии Ивановны Елкиной. Она рассказала, что во время войны попала в тюрьму. Вместе с нею находилась в камере молодая женщина Вера с десятилетним сыном Яшей. «Яша очень любил песню, которую пел Леонид Утесов, «Раскинулось море широко». И сидя на полу камеры по-турецки, он слегка раскачивался взад-вперед и пел тоненько «Товарищ, не в силах я вахту стоять». Это было единственным его развлечением, утешением в ужасной тюремной жизни. Торговки, которых посадили в камеру дней на пять, помню, были злыми, все ворчали на мальчику: «Да замолчи ты, надоед!».

Яша испуганно умолкнет, потом забудет все и опять: «Напрасно старушка ждет сына домой».

Однажды после допроса сын просил мать ночью: «Скажи правду, мама, скажи или я сам скажу, что мы евреи. Лучше я умру...»

В одну из декабрьских ночей оборвалось пение Яши. Глубокой ночью вызвали из нашей камеры Веру с сыном. Рука палача не пощадила и ребенка...

С тех пор эта песня для меня связана не только с именем Леонида Утесова. При звуках ее мне видится маленький, худенький, бледный мальчик, который выбрал лучше смерть, чем жить в неволе. «Лучше я умру».

У меня возникло и укрепилось такое чувство, что песня эта стала как бы памятником Яше. Пусть она будет ему памятником».

За свою долгую жизнь Утесов исполнил не менее тысячи песен. Многие из них остались в своем времени, что неудивительно — песня, как правило, одномоментна, на вечность не рассчитана. Поражает другое: как все же много утесовских песен сохранилось в народной памяти. И до сих пор стоит зазвучать по радио знакомому хриловатому голосу, как многие люди отрываются от повседневных дел: «Утесов поет!». Мог ли об этом мечтать одесский мальчишка, деливший свою увлеченность между скрипкой и трапецией?

Александр ГАЛЯС.